

ДЖ. П.
ДЕЛЕЙНИ

Автор бестселлеров
по версии The New York Times
и The Sunday Times

ВЕРЬ МНЕ

«Мрачный и запоминающийся
триллер... Пробуждает
противоречивые эмоции,
никогда не догадаешься,
что произойдет дальше.
Превосходно».

Daily Mail

**НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР**

Дж.П. Делейни

Верь мне

Серия «Новый мировой триллер»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/51625643>

Верь мне : [роман] / Дж. П. Делейни ; [перевод с английского А. В.

Пудова, под редакцией А. Борькиной].: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-117280-0

Аннотация

<p>Клэр Райт в отчаянии. Она изучает актерское мастерство в Нью-Йорке и в отсутствие грин-карты берется за единственную работу, которую может получить, – быть «приманкой» для неверных мужей в барах, работая на адвокатскую контору, специализирующуюся на разводах.</p><p>Но однажды правила игры меняются.</p><p>Муж клиентки становится подозреваемым в жестоком убийстве жены, и полиция просит Клэр использовать свои актерские таланты, чтобы под руководством изощренного полицейского психолога выудить признание у подозреваемого.</p><p>С самого начала Клэр сомневается в виновности Патрика Фоглера. Но не является ли ее растущая уверенность в его невиновности признаком того, что она слишком глубоко вжилась в свою роль, – а может, это полиция совершает ужасную ошибку?</p><p>Она понимает, что влюбляется в свою «цель», и начинает задаваться вопросом: кто

же в действительности из них двоих «приманка», а кто – жертва?
</p> <p>Вскоре Клэр осознает, что играет самую смертельную
роль в своей жизни.</p>

Содержание

Пролог	7
Часть первая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дж. П. Делейни

Верь мне

Майклу

*Ты играешь своими шрамами.
Шелли Уинтерс*

*Ни один человек не может так долго быть
двуликим: иметь одно лицо для себя, а другое –
для толпы; в конце концов он сам перестанет
понимать, какое из них подлинное¹.
Натаниэль Готорн, «Алая буква»*

JP Delaney
BELIEVE ME

¹ Пер. сангл. Н. Емельяниковой, Э. Линецкой.

Серия «Новый мировой триллер»

Перевод выходит с разрешения Ballantine Books, им-принта издательства Random House, подразделения Penguin Random House LLC

Перевод с английского *Артема Пудова*

© JP Delaney, 2018

© Пудов А., перевод, 2019

© Лиза Колосова, перевод стихов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пролог

В день отъезда гостям следует освободить номер до полудня.

К одиннадцати часам шестой этаж отеля «Лексингтон» почти опустел. Это центр Манхэттена, где даже туристы находятся под гнетом расписания галерей, универмагов и достопримечательностей. Все, кто спит допоздна, просыпаются от шума горничных, болтающих друг с другом на испанском. Они приходят и уходят из прачечной рядом с лифтом, готовят комнаты к очередному наплыву сегодня днем.

Разбросанные по коридору подносы с завтраком указывают, какие комнаты должны быть убраны.

За дверью номера на террасе подноса нет.

Утром в каждый номер доставляют экземпляр «Нью-Йорк Таймс» с приветствиями от администрации отеля.

На террасе приветствие отвергнуто. Нетронутая газета лежит на коврике, а табличка «НЕ БЕСПОКОИТЬ» висит над ним на ручке.

Консуэла Альварес оставляет террасу напоследок. В конце концов, когда все остальные комнаты убраны, она больше не может тянуть. Женщина морщится от боли в пояснице: этим утром она уже сменила кучу комплектов белья и вымыла дюжину душевых кабинок. Консуэла стучит в дверь пропуском, произносит: «Горничная», – и ждет ответа.

Ответа нет.

Первое, что женщина замечает, входя, – холод: сквозь шторы задувает ледяной ветер. Она неодобрительно что-то бормочет, подходит к окну и дергает за шнур.

Комнату заливают серый свет.

В номере бардак. Она слегка демонстративно захлопывает окно. Человек в постели не шевелится.

– Пожалуйста... просыпайтесь, – произносит Консуэла смущенно.

Простыни натянуты постояльцу прямо на лицо. Контур тела сглажены, словно погребены под снегом.

При взгляде на осколки опрокинутой лампы и разбитого бокала Консуэлу внезапно охватывает дурное предчувствие. В прошлом году на втором этаже произошло самоубийство. Неудавшийся бизнес. У молодого человека была передозировка в ванной. Все номера были забронированы, а от них требовалось к пяти убрать и подготовить номер для следующего жильца. Сегодня на террасе она тоже увидела нечто необычное, даже странное. Кто ложится спать, оставляя на ковре осколки стекла, на которые рискуешь наступить на следующий день? Кто спит, укрывшись простыней с головой? Консуэла повидала много гостиничных номеров, и сцена, возникшая перед ней, кажется какой-то неестественной.

Даже нарочитой.

Консуэла крестится. Нервничая, кладет руку на покрывало туда, где должно быть плечо, и трясет его.

Через мгновение под ее рукой на белом полотне простыни расплывается красный цветок.

Женщина знает: сейчас что-то происходит не так, творится что-то очень плохое. Консуэла снова касается покрывала, на этот раз нажимая одним пальцем. Снова, как чернила, растекающиеся по папиросной бумаге, на простыне возникает красный лепесток.

Консуэла собирает все свое мужество и левой рукой откидывает одеяло.

Еще до того, как она осознает, что именно увидела, ее рука произвольно тянется вверх, чтобы снова перекреститься. Но теперь она замирает на полпути, так и не достигнув лба, и, дрожа, зажимает рот, откуда вырывается пронзительный крик.

Часть первая

Пятью днями раньше

1

Мой друг еще не пришел.

Вот что вы подумали бы, увидев меня здесь, сидящей в баре корпоративного нью-йоркского отеля, в попытках помочь моей Деве Марии продержаться весь вечер. Просто еще одна молодая профессионалка, ждущая своего кавалера. Может, чуть более нарядная, чем некоторые из здешних женщин. Я не выглядела, как будто только что из офиса.

На другом конце бара компания молодых людей пьет и шутит. Они толкают друг друга в плечо – хотят доказать свою точку зрения. Один из них – симпатичный, элегантно одетый, спортивный – привлекает мое внимание. Он улыбается. Я отворачиваюсь.

Вскоре в конце зала освобождается столик. Я беру стакан и сажусь за него. Тут внезапно разворачивается следующая сценка:

Нью-Йорк, 44-я западная улица, бар отеля «Дельтон»,
ночь.

Мужчина
(агрессивно)
Простите?

Передо мной стоит некто. Бизнесмен лет сорока пяти, в дорогом костюме повседневного кроя, наводящем на мысль, что мужчина не просто обычный исполнительный трутень. На воротник ниспадают волосы, несколько длинноватые для Уолл-стрит.

Он зол. *Очень* зол.

Я
Да?

Мужчина
Этой столик. Я отходил в туалет.

Он показывает на ноутбук, выпивку и журнал, которые я каким-то образом умудрилась не заметить.

Мужчина
Этой напиток. *Мои* вещи. Ясно ведь, что столик занят.

Люди поворачиваются в нашу сторону, но ни конфликта, ни типичного нью-йоркского напряжения не будет. Я уже

поднимаюсь, закидываю сумку на плечо. Обстановка разряжена.

Я
Извините, я не поняла. Найду другое место.

Я делаю шаг назад и беспомощно оглядываюсь по сторонам, но все места, включая мое предыдущее, уже заняты. Больше некуда садиться. Краем глаза чувствую, как незнакомец окидывает меня взглядом, пробегает глазами по дорожному жакету Джесс от Донны Каран, который она держит для прослушиваний, по мягкому темному кашемиру, оттеняющему мою бледную кожу и темные волосы. Мужчина осознает, какую глупую ошибку он совершает.

Мужчина
Подождите... Я думаю, мы могли бы сесть вместе.

Он указывает на стол.

Мужчина
Здесь есть место для нас обоих. Я как раз заканчивал работу.

Я
(благодарно улыбаясь)

О, спасибо.

Я кладу сумку на место и сажусь. На какое-то время воцаряется тишина, и я стараюсь ее не нарушать. Теперь его очередь.

Конечно, когда мужчина снова начинает говорить, его голос слегка меняется – он становится более хриплым и густым. Меняются ли женские голоса подобным образом? Я должна как-нибудь с этим поэкспериментировать.

Мужчина

Вы кого-то ждете? Держу пари, его задержал снег. Вот почему я остаюсь еще на одну ночь – в Ла Гардиа полнейший хаос.

Я улыбаюсь про себя, потому что это на самом деле довольно мило: он пытается выяснить, кого я жду, мужчину или женщину, и в то же время показывает мне, что он здесь один.

Я

Думаю, я могла бы провести здесь некоторое время.

Он кивает на мой опустевший стакан.

Мужчина

В таком случае, могу я предложить вам еще? Кстати, меня зовут Рик.

Из всех баров во всех городах мира...²

Я

Спасибо, Рик. С удовольствием выпью мартини. Я – Клэр.

Рик

Рад познакомиться, Клэр. Извините за то, что сейчас произошло.

Я

Да нет, это моя ошибка.

Я говорю так беспечно, с такой явной благодарностью, что сама удивилась бы, узнав, что это ложь.

Но это не ложь, *искреннее поведение в воображаемых обстоятельствах*. Что, как вы потом увидите, совсем другое.

Официантка принимает заказ. Когда она отходит, мужчина за соседним столиком наклоняется к ней и начинает возмущаться из-за забытого заказа. Я смотрю, как она угрюмо вытаскивает ручку из-за уха, словно может вынуть слова изо рта у клиента и стряхнуть их на пол.

Думаю, *мне бы тоже это пригодилось*. Я прячу это где-то

² Цитата из фильма «Касабланка» (1942).

глубоко внутри и сосредотачиваюсь на человеке напротив.

Я

Что привело вас в Нью-Йорк?

Рик

Работа. Я адвокат.

Я

Не верю.

Рик выглядит озадаченным.

Рик

Почему же?

Я

Все адвокаты, которых я встречала, неприглядные и скучные.

Он отвечает на мою улыбку.

Рик

Я работаю в музыкальном бизнесе. В Сиэтле. Нам нравится думать, что у нас чуть более захватывающая профессия, чем у среднестатистического адвоката по уголовным делам.

А что насчет вас?

Я

Чем зарабатываю на жизнь? Или считаю ли свою профессию увлекательной?

К нашему обоюдному удивлению, сейчас мы немного флиртуем.

Рик

И то, и другое.

Я киваю на удаляющуюся официантку.

Я

Ну, раньше я занималась тем же, чем и она.

Рик

До какого момента?

Я

Пока не поняла, что есть более интересные способы оплаты съемного жилья.

Легкая, почти неощутимая тишина, когда зарождается идея, почти всегда заметная в чужих глазах. Мужчина пере-

бирает в уме возможные значения сказанного мной. Пока не решает, что чересчур зациклился.

Рик

А откуда вы, Клэр? Я пытаюсь определить акцент.

Виргиния, черт тебя побери. Отсюда и то, как я рифмовала «закон» в «адвокате» с «парнем»³.

Я

Я оттуда... откуда вы захотите.

Он улыбнулся по-волчьи и нетерпеливо, что лишь доказывало – *я была права*.

Рик

Оттуда я девушек никогда раньше не встречал.

Я

А вы встречались со многими девушками, верно?

Рик

В командировках я действительно получаю, скажем так, некоторую долю удовольствия.

³ Каламбур. Производное слово от «закон» (англ. *law*) – «адвокат» (англ. *lawyer*), первый слог которого рифмуется с «парнем» (англ. *boy*) (*прим. ред.*).

Я
Перед тем, как улетите к жене и детям в Сиэтл.

Рик хмурится.

Рик
Почему вы думаете, что я женат?

Я
(ободряюще)
Это те, за кем я обычно охочусь. Те, кто умеют веселиться.

Теперь Рик уже уверен, но не торопится. Мы потягиваем напитки, и он рассказывает мне о своих клиентах в Сиэтле – о знаменитом кумире подростков, любящем несовершеннолетних девочек, и мачо – звезде тяжелого металла. Он гей, но не может признаться в этом. Он рассказывает, делая явный акцент на том, сколько денег можно заработать в его профессии. Контракты составляются для тех, кто по своему темпераменту вряд ли будет их соблюдать. Им требуются услуги таких людей, как Рик – и для заключения договора, и для его последующего расторжения. И наконец, когда на меня производят должное впечатление слова нового знакомого, он предлагает, поскольку мой друг, очевидно, уже не придет, перейти в какое-нибудь другое место, ресторан или

клуб – как мне больше нравится.

Рик

(мягко)

Мы могли бы просто заказать обслуживание номеров. Я останусь наверху.

Я

Это может быть дорого.

Рик

Как хочешь. Выбирай. Бутылка шампанского, икра...

Я

Я имею в виду – обслуживание номеров может быть дорогим... когда я берусь за дело.

Теперь все по-честному. Только не реагируй на только что сказанное, не улыбайся и не отводи взгляд. Ничего страшного. Ты постоянно так делаешь.

Просто не обращай внимания на стук в груди, на тошноту.

Рик удовлетворенно кивает.

Рик

Я тут не один по работе, верно?

Я

Ты меня раскусил, Рик.

Рик

Если ты не возражаешь, Клэр, я скажу – ты не из таких.

Пришло время признаться.

Я

Просто я...

Рик

Чем же ты занимаешься?

Я

Я из тех, кто приходит сюда ради бесплатных курсов актерского мастерства. Каждые пару месяцев я хожу сюда, веселюсь... И проблема сама собой исчезает.

На другой стороне холла регистрируется семья. Маленькая девочка лет шести, одетая для поездки в город в пальто, вязаную шапочку и шарф, хочет увидеть, что происходит за стойкой портье. Отец поднимает дочку, ставит ногами на ее чемодан с изображением слона, и она восторженно растягивается на стойке, пока менеджер выдает карточки с ключами. Одну из них он с улыбкой вручает девочке. Мужчина по-

кровительственно придерживает рукой спину ребенка, чтобы девочка не соскользнула.

Я чувствую знакомый укол зависти и боли.

Выталкиваю лишние мысли из головы и возвращаюсь к разговору с Риком. Он наклонился вперед. Его голос стал тише, глаза заблестели.

Рик

И насколько же ты готова повеселиться сегодня вечером, Клэр?

Я

Думаю, это можно обсудить.

Рик улыбается. Он адвокат. Переговоры – часть игры.

Рик

Скажем, триста?

Я

Столько берут в Сиэтле?

Рик

Поверь мне, в Сиэтле за это платят много.

Я

Во сколько тебе обошлась твоя самая дорогая женщина,
Рик?

Рик
Пятьсот, но это было...

Я
(перебивая)
Сумма удваивается.

Рик
(ошеломленно)

Ты серьезно?

Я
Да, конечно. Я ведь обычная девушка, которая всего лишь
хочет повеселиться, и поэтому стою тысячу долларов, одна-
ко, если ты передумал...

Я нарочито небрежно тянусь за сумкой. Надеюсь, Рик не
заметит, как дрожит моя рука.

Рик
Нет, подожди-ка... Тысяча. Хорошо!

Я

Номер комнаты?

Рик

Восемь четырнадцать.

Я

Я постучу в дверь через пять минут. Только не смотри консьержу в глаза.

Он встает.

Рик

(восхищенно)

Трюк со столом был весьма ловким. Ты забрала меня прямо перед носом бармена.

Я

Ты должен сам этому научиться. Тогда-то и получишь удовольствие.

Рик доходит до лифта и оглядывается. Я киваю ему и незаметно улыбаюсь.

Улыбка на моем лице исчезает, как только захлопывающиеся двери скрывают меня. Я беру сумку и иду к выходу.

Исчезаю.

Снаружи наконец-то перестал идти снег, пожарные гидранты, стоящие вдоль тротуара, одеты в белые снежные парики. Чуть дальше по улице меня ждет черный лимузин с выключенными фарами и работающим двигателем. Я открываю заднюю дверцу и сажусь.

Жене Рика около сорока пяти. Она выглядит утомленно, но дорого. Это наводит на мысль, что когда-то она сама была на музыкальной сцене – еще до того, как начала устраивать деловые обеды Рика и рожать детей. Она сидит на заднем сиденье рядом с Генри и дрожит, несмотря на теплый воздух, хлещущий из обогревателей.

– Все в порядке? – тихо спрашивает Генри.

– Да, – говорю я и вытаскиваю из сумки маленькую видеокамеру.

Мой вирджинский акцент пропадает. С обычным британским выговором кидаю реплику его жене:

– Послушайте, я скажу то, что всегда говорю в таких ситуациях, а именно – вам необязательно смотреть это. Вы можете просто пойти домой и попытаться все уладить.

Жена Рика произносит то же самое, что и все остальные женщины до нее:

– Я хочу знать.

Я протягиваю ей фотоаппарат.

– Как выяснилось, он регулярно пользуется услугами проституток, причем не только во время командировок. Рик

сказал, что платит до пятисот долларов в Сиэтле, и только что предложил мне тысячу.

Глаза женщины наполнились слезами.

– Боже. Боже.

– Мне очень жаль, – неловко говорю я. – Рик ждет меня в номере восемьсот четырнадцать, если хотите, то пойдите и поговорите с ним.

В глазах жены не только слезы, но и гневный огонь. *Запомни этот момент.*

– Я, конечно, поговорю с адвокатом, но это будет специалист по разводам, а вовсе не мой муж.

Женщина поворачивается к Генри:

– Я бы хотела уехать.

– Конечно, – спокойно отвечает тот.

Когда мы выходим из машины, Генри садится за руль, а я иду дальше по своим делам; он незаметно передает мне конверт.

Четыреста долларов. Неплохо для вечерней подработки.

В конце концов, Рик был подонком. От него у меня мурашки бежали по коже. Высокомерный и агрессивный. К тому же обманщик. Он заслуживает всех обвинений, которые жена собирается в него бросить.

Так почему же, когда лимузин уезжает по грязному серому снегу, я чувствую себя мерзко и отвратительно от всего мною содеянного?

Теперь вам интересно, кто я на самом деле и что делаю здесь, в Нью-Йорке. Другими словами, моя биография.

Имя: Клэр Райт

Возраст: 25 (может играть 20–30-летних)

Рост: 1,7 м.

Национальность: британка

Цвет глаз: карий

Цвет волос: меняется

Таковы факты, но на самом деле не они вас интересуют. Вы хотите знать, чего *я* хочу. Это правило номер один, день первый, первое, что вы узнаете: *именно желания определяют вас как личность.*

Я говорила Рику правду – по крайней мере часть правды. Я хочу становиться другими людьми. И никогда не хотела ничего другого.

В любом списке десяти лучших актерских школ мира около половины будут в Нью-Йорке: Джульямс, Тиш, «Театр по соседству» и так далее. Все учат вариациям одного и того же подхода, основанного на идеях великого русского режиссера Константина Станиславского. Речь идет о погружении себя в часть чужой истины до тех пор, пока она не станет частью

вас.

В нью-йоркских школах актерского мастерства актеров не учат *играть*. Там учат *становиться другим*.

Если вам посчастливилось пройти первый тур и быть приглашенным в Нью-Йорк на прослушивание; если вам посчастливилось получить место; если актерская игра была всей вашей жизнью с тех пор, как вам исполнилось одиннадцать (маленькая девочка, убегающая от однообразия унылых приемных семей, притворяясь кем-то другим), тогда вы один из тысячи и были бы безумцем, если бы не приняли это.

Я импульсивно подала заявление на курс актерской студии. Там училась Мэрилин Монро, которая тоже выросла в приемной семье. Я прослушивалась со странным убеждением, что это должно было произойти, и приняла итог в мгновение ока.

Они даже назначили мне стипендию, которая покрывала часть платы за обучение, но не компенсировала расходы на проживание в одном из самых дорогих городов мира.

Согласно условиям студенческой визы, я могу работать, если моя работа находится в кампусе. *Кампусом* служил университет Пейс – тесный современный квартал, примыкавший к Ратуше и Бруклинскому мосту. Там было не так уж много возможностей для неполной занятости.

Мне удалось устроиться официанткой в бар «Адская кухня». Я бегала туда три раза в неделю после занятий, но у владельца был бесконечный запас молодых женщин на выбор, и

он не считал нужным слишком долго оставлять их на работе. Если налоговая или иммиграционная служба начнут проверку, он всегда сможет заявить, что их бланки были отправлены по почте. Через два месяца владелец весьма недоброжелательно сообщил мне, что пришло время убираться восвояси.

Один из моих преподавателей, Пол, предложил мне поговорить с его знакомым агентом. Я нашла его по адресу – узкий дверной проем в довоенном квартале, испещренном пожарными лестницами, в самом конце 43-й улицы, и поднялась по лестнице на третий этаж в самый крошечный офис из всех, где мне приходилось бывать. Все поверхности были завалены фотографиями, сценариями и контрактами. В первой комнате по обе стороны от тесного письменного стола сидели два ассистента. Мое имя прозвучало вторым по счету. За другим столом сидела маленькая женщина. Она гремела огромными пластиковыми украшениями. В руке она держала резюме, которое читала вслух, одновременно приглашая меня сесть по другую сторону стола.

Офис нью-йоркского агента, день.

Марси Мэтьюс, нью-йоркский агент, известная своей жесткостью, читает мое резюме.

Марси

Театральная школа. Лондонская Школа драматического

искусства – один год. Съёмки в массовке на телевидении. Пара европейских арт-хаусных фильмов, которые так и не вышли в прокат.

Она отбрасывает резюме в сторону и критически смотрит на меня.

Марси

Но в целом вы хорошенькая. Не красавица, но изобразить сможете, а Пол Льюис вообще говорит, что у вас талант.

Я

(довольна, но стараюсь быть скромной)

Он такой замечательный преподаватель.

Марси

(перебивает)

Но представлять ваши интересы я не могу.

Я

Почему?

Марси

У вас нет грин-карты. Значит, вы не член профсоюза. Следовательно, никакой работы.

Я

Но ведь должна быть хоть *какая-то* работа, которую я смогла бы выполнять?

Марси

Конечно. Вы можете вернуться в Англию и подать заявку на грин-карту.

Я

Я... не могу этого сделать.

Марси

Почему нет?

Я

Это сложно.

Марси

Нет. Мне это более чем знакомо.

Она достает электронную сигарету и включает ее.

Марси

Я написала паре коллег в Лондон о вас, Клэр. Знаете, что они сказали?

Я

(с несчастным видом)

Догадываюсь.

Марси

Самый положительный отзыв о вас был – «немного напряжена». В основном они советовали держаться от вас подальше. Когда же я углубилась в вашу историю, там продолжало всплывать слово «смятение».

Она поднимает брови.

Марси

Не хотите ли объяснить?

Я делаю глубокий вдох.

Я

«Смятение»... Так назывался мой первый студийный фильм и первый большой прорыв. Я играла возлюбленную... Ну, думаю, вы знаете его имя. Актер известный и красивый. Все знают, что у него один из самых счастливых браков в шоу-бизнесе.

Я вызывающе смотрю на нее.

Я

Когда он влюбился в меня, я поняла, что это по-настоящему.

Марси

(насмешливо фыркая)

Естественно.

Я

Это было до того, как я услышала фразу, которую используют на съемках фильмов: «Не рассчитывай на место, дорогая».

Марси

А дальше?

Я

Через четыре недели его знаменитая красавица жена появилась на съемочной площадке с тремя знаменитыми красавцами детьми на буксире. Внезапно продюсеры нашли предлог, чтобы убрать меня с дороги. Я застряла в звукозаписывающей будке, переделывая строки, которые отлично сыграла и в первый раз.

Марси

(кивая)

И?

Я

Вот тогда-то до меня и дошли слухи. Оказывается, я сумасшедшая, преследую чужих мужей. Дескать, я угрожала его жене. Та же пиар-машина, что раскручивала его фильмы, теперь вертела и меня.

Я пытаюсь сдерживать слезы. Я знаю, как наивно это звучит, но правда в том, что у меня был пусть небольшой, но опыт. Вы никогда не выйдете из приемной семьи глупой невинной девчонкой.

Вы отчаянно хотите любить и быть любимой. Этот актер был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала. Самым страстным, самым поэтичным. Он мог пересказать все любовные сонеты Шекспира, как будто они написаны специально для него.

Мораль: никогда не влюбляйтесь в того, кто предпочитает чужие слова своим.

Я не рассказала Марси о некоторых других событиях, связанных с этой историей, хотя подозреваю, что она уже и так их знает. Обезумев от юношеского отчаяния из-за несправедливой травли, я подошла к трейлеру этого актера и вскрыла себе вены на той же кушетке, где мы занимались любовью между дублями. Я невероятно хотела доказать ему – это не была просто игра. Все существовало в действитель-

ности.

По крайней мере, для меня.

Я

Вот и все. Кастинги мгновенно прекратились. Видите ли, я совершила грех номер один: вела себя *непрофессионально*. Это было за неделю до моего восемнадцатилетия.

Марси

(задумчиво кивает)

Вы знаете, Пол прав: у вас неплохо получается. На мгновение вы почти заставили меня пожалеть вас. Вместо того, чтобы признать: это был невероятно тупой, саморазрушительный провал.

Она тычет в меня концом сигареты.

Марси

Продюсеры правы. Поищите себе другую работу.

Я

Я надеялась, Америка даст мне второй шанс.

Марси

Думать так – весьма наивно с вашей стороны. Те времена, что мы проводили в толпе, жаждущей свободы, давно про-

шли.

Я

Для меня это единственная карьера, о которой я когда-либо мечтала, но я не могу продолжать учиться без какой-либо работы.

Марси одновременно и хмурится, и вздыхает. Дым струится из ее ноздрей, а потом, словно нехотя, женщина производит:

Марси

Ладно. Оставьте свои данные в приемной. Скоро будут снимать парочку паршивых музыкальных клипов, но я ничего не обещаю.

Я

Спасибо! Огромное спасибо!

Я вскакиваю и с энтузиазмом пожимаю агенту руку. Она обрывает мое благодарное рукопожатие концом электронной сигареты и случайно смотрит вниз. Что-то в беспорядке бумаг на столе бросается Марси в глаза.

Она тянется к столу, перечитывает, поднимает на меня взгляд.

Марси

А вот как бы ты отнеслась к работе в фирме адвокатов по разводам, Клэр?

Я

В качестве помощника?

Марси

Не совсем... Слушай, я буду с тобой честна. Работа не из лучших, но им нужен кто-то вроде тебя, и они готовы хорошо платить. *Очень* хорошо. Не из профсоюза. И наличными.

3

Когда лимузин с женой Рика отъезжает, я поворачиваюсь и направляюсь в другую сторону. Улицы покрыты льдистой слякотью, а я без пальто. Снежная слякоть проникает в носок моего правого ботинка.

Таймс-Сквер – это буйство электричества и красок. Одинокий мим, бросающий вызов холоду, развлекает очередь за билетами. На рекламных щитах мелькают фрагменты отзывов: «завораживающий», «блестящий», «необыкновенный». Я проезжаю под уличным знаком с надписью: «Театральная страна».

Театральная страна... Если бы людям было позволено выбирать свою страну, я хотела бы жить именно в такой. По-

том я сворачиваю с Бродвея на едва освещенную поперечную улицу. Туда, где выдавшая виды облупившаяся вывеска гласит: «Театр Компас». Люди – в основной массе студенты на свидании, пользующиеся ежедневной распродажей билетов за полцены – толпятся в фойе. Я прохожу еще несколько метров и проскальзываю в служебный вход.

Помощники режиссеров, посыльные и закулисные рабочие бегают с реквизитом и планшетами. Я нахожу зеленую комнату. Ее отделили от сцены и создали две импровизированные раздевалки – девушки с одной стороны, молодые люди – с другой. В первой из них Джесс накладывает макияж перед зеркалом, которое делит с тремя другими девушками, и все они пытаются делать то же самое.

– Привет, – весело говорю я.

– Привет, Клэр.

Взглянув на меня, она снова переводит взгляд в зеркало.

– Как все прошло?

Я достаю конверт Генри.

– Четыреста долларов. Теперь я должна тебе еще три.

Отец Джесс, очень богатый человек, купил ей квартиру на Манхэттене. Я должна ежемесячно платить за аренду, но иногда задерживаю оплату.

– Отлично, – рассеянно говорит она. – Отдашь позже, ладно? Мы встретимся после, а то я могу потерять.

Я, должно быть, смотрю с надеждой, поскольку девушка добавляет:

– Почему бы тебе не пойти с нами посмотреть шоу? Ты сможешь сказать мне, справилась ли я с женской болью, о которой говорил Джек.

– Конечно, почему бы и нет? – небрежно отвечаю я.

Потому что даже компания актеров в баре лучше, чем ничего.

– Три минуты, – кричит режиссер, хлопая ладонью по двери.

– Пожелай мне удачи, – просит Джесс. Она разглаживает платье и встает, не сводя глаз с зеркала. – Скажи: ни пуха ни пера!

– Желаю. Но ты в этом не нуждаешься. И не торопись со сценой в лесу, что бы там ни говорил твой тупой режиссер.

Через несколько секунд зеленая комната опустела. Я подхожу к краю сцены. Когда свет в здании гаснет, подкрадываюсь и смотрю на публику через щель в декорациях. Вдыхаю запах театра – мощный, вызывающий стойкое привыкание: свежая краска декораций, старая сценическая пыль, изъеденная молью ткань и небывалая харизма. Наступает необыкновенный и сильный особый момент, когда рассеиваются и тьма, и весь шум, и суэта повседневности.

На мгновение мы все застываем в ожидании. Затем сцена освещается яркими огнями, и я делаю шаг назад. Снег кружится в воздухе, сверкающий и мягкий. Он фальшивый, но зрители все равно задыхаются от восторга.

Основная идея режиссера заключается в том, что это-

т«Сон в летнюю ночь» происходит зимой. «Дешевый трюк», – подумала я, когда Джесс пересказала мне авторский замысел, но теперь я вижу, как снежинки плывут по воздуху, оседая блестками в волосах актеров, как шумно падают на сцену, и понимаю, что режиссер запечатлел в одном-единственном образе волшебную, таинственную сторону шекспировской пьесы.

Тезей

Прекрасная, наш брачный час
Все ближе...⁴

Я чувствую внезапный приступ тоски. Театр лично для меня – запретное королевство, мечта, из которой меня изгнали отсутствие грин-карты и проблемы в Великобритании. Мой голод – нечто физическое, а жажда настолько глубока, что сжимаются желудок и горло. Слезы жгут мне глаза.

Но даже в то время, когда сцена раскачивается из стороны в сторону, я ловлю себя на мысли: *в следующий раз, когда нужно будет что-то почувствовать в классе, надо это использовать. Это золотая пыль.*

⁴ Здесь и далее «Сон в летнюю ночь» цитируется по переводу с английского Т. Щепкиной-Куперник.

Через четыре часа мы все уже в баре «Харлей». Как ни крути, мы каждый раз оказываемся здесь – в подвальной парилке с винтажными мотоциклами, свисающими с потолка. Здесь официантки носят домашнюю униформу – черные бюстгалтеры под потертыми джинсовыми куртками без рукавов. Из музыкального автомата ревет Брюс Спрингстин, так что приходится надрывать – двадцать натренированных голосов после спектакля плюс подружки, бойфренды и прихлебатели вроде меня.

Мы с Джесс обмениваемся разными историями. Об актерском мастерстве, конечно. Мы только об этом и говорим.

Джесс

А как насчет Кристиана Бейла в «Машинисте»? Он потерял треть своего веса для этой роли...

Актриса 2

Или Хлоя Севиньи, которая делает настоящий минет в «Буром кролике».

Актер

Определите-ка *настоящее* в этом контексте. Нет, это я так, к слову.

Актриса 3

Эдриан Броуди в «Пианисте». Сначала он сбросил тридцать фунтов и научился играть на пианино. Затем, чтобы осознать, каково это – потерять все, он избавился от своего автомобиля, квартиры *даже* телефона. Вот *это*, друг мой, и есть самоотдача.

Актриса 2

Эй, а я ведь могу сделать то же самое! Ох, подожди-ка. Вся проблема в том, что в настоящее время я играю поющую в хоре мышь в бродвейском мюзикле.

Она изображает пьяный мышиный танец.

Актриса 2

Мышка-мышь, мышка-мышь, добро пожаловать в мой Мышиный дом...

С другого конца помещения на меня глядит бармен. Взглядом, который задерживается чуть дольше, чем нужно.

Последний раз я замечала такой взгляд, когда Рик, этот подонок-адвокат, предложил мне сесть за его стол.

Однако *этот* бармен – парень моего возраста, татуированный, крутой и худой. Несмотря на пронизывающий холодный ветер, который врывается внутрь, всякий раз когда

открывается входная дверь, на нем только футболка, а кухонное полотенце, заткнутое за пояс джинсов, обвивается вокруг его задницы каждый раз, когда он поворачивается к ряду бутылок за стойкой.

И вдруг я оказываюсь там же. В баре.

Симпатичный бармен

Эй!

Он австралиец. Я люблю австралийцев.

Я

Привет!

По какой-то неведомой причине я говорю это с вирджинским акцентом, тем, который я использовала раньше с Риком.

Симпатичный бармен

Что тебе принести?

Я

(перекрикивая шум)

С удовольствием выпью мартини.

Симпатичный бармен

Сейчас будет.

Он до краев наполняет стакан «Джеком Дэниелсом» и со стуком ставит его на стойку.

Я

Я же попросила *мартини*.

Симпатичный бармен

В этом баре мы делаем мартини так.

Он ухмыляется, словно давая мне возможность пожаловаться. Милая улыбка.

Я беру стакан и осушаю его.

Я

В таком случае, дай мне Пина коладу.

Симпатичный бармен

Пина колада...

Он наливает в стакан порцию виски «Джек Дэниелс», добавляет еще порцию того же виски и заканчивает третьей мерой того же напитка.

Я опрокидываю все одним долгим глотком. Люди, столпившиеся вокруг бара, громко кричат и аплодируют.

Аплодисменты – звук, уже давно мною не слышанный.

По крайней мере, адресованные мне.

Я

Лучше приготовь мне ледяной чай «Лонг-Айленд», раз уж на то пошло...

...который действительно должен стать финалом того фильма, который всегда крутится в моей голове.

Однако все происходит вовсе не так. Это монтажный прыжок, или последовательный монтаж, или еще какое-то техническое ухищрение, потому что потом все становится беспорядочным и сумбурным, пока я внезапно не оказываюсь в чужой квартире на чьем-то стонущем теле.

Я

Да, да, боже, да...

Случайный человек

Да...

Ах да. Произошла смена актеров. Симпатичный бармен, которого звали Брайан, вышел только в три. Вместо этого я переспала с приятелем одной из подруг Джесс. К этому моменту я была слишком пьяна и слишком вдохновлена аплодисментами, чтобы довольствоваться собственной кроватью.

Хотя, если честно, дело было не только в алкоголе. Или в

благодарной публике.

Ощущение теплого тела и кого-то, кого можно обнять... Это то, чего я жажду после заданий Генри.

Ведь если женщина не может доверять мужчине, который сказал, что будет любить ее вечно, то кому тогда в этом мире вообще можно доверять?

Понимание того, что именно я – мои навыки, реплики, мое выступление – помогли разрушить семью, всегда оставляет у меня странное ощущение.

Я не горжусь тем, что делаю для Генри.

Впрочем, иногда я горжусь тем, насколько хорошо я это делаю.

5

На следующее утро я возвращаюсь на метро к Джесс, все еще в ее куртке, причем на понимающие взгляды пассажиров внимания не обращаю. Одно из упражнений, которое Пол заставляет нас делать, – выходить на улицы Нью-Йорка и говорить с совершенно незнакомыми людьми. После того, как проделываешь это несколько раз, становишься в хорошем смысле «толстокожей».

То же самое, когда сидишь в баре отеля и к тебе пристают женатые мужчины.

Вот одна из причин, по которой я приняла предложение Марси. Я думала, что это хорошо поможет моей актерской

работе, не говоря уже о финансовом положении.

Итак, Марси свела меня с Генри. Генри любит называть себя помощником юриста, но на самом деле он частный детектив в юридической фирме. Он договорился встретиться со мной в баре. Это заведение казалось странным местом для собеседования, пока Генри не объяснил, чего именно они от меня хотят.

– Думаешь, справишься? – спросил он.

Я пожалала плечами, ведь у меня совсем не было других вариантов.

– Конечно.

– Хорошо. Выйди на улицу, вернись и попробуй подкатить ко мне. Считай, что это прослушивание.

Я вышла и вернулась назад. Поскольку болтать с этим седовласым пожилым человеком странно, проще всего было изобразить некоего персонажа. Я вспомнила о голосе и манерах роковой женщины в исполнении Лорен Бэколл в «Глубоком сне» – и именно это дало мне возможность спрятать собственную личность.

Я села за барную стойку и заказала выпивку. Я даже не взглянула на человека, сидевшего через два стула от меня.

«Никогда напрямую не приставай к ним, – говорил мне Генри. – Дай понять, что ты доступна, но это они должны предложить тебе себя, а не наоборот. Невинному нечего бояться».

Да, конечно. Если я чему-то и научилась, то как раз тому,

что мужской мозг так и работает.

Тускло освещенный нью-йоркский бар, день.

Клэр Райт, двадцать пять лет, отражается зеркалом за стойкой. Она поигрывает своим бокалом, немного скучает. Генри, худой бывший полицейский, пятьдесят с небольшим, пересаживается на соседний табурет.

Генри

Ты одна?

Клэр

(томным и протяжным голосом)

Да, *сейчас* одна.

Он смотрит на ее руку.

Генри

Вижу, ты носишь обручальное кольцо.

Клэр

А это хорошо или плохо?

Генри

Это зависит от...

Клэр

От чего?

Генри

Зависит лишь от того, насколько легко его снять.

Ее глаза расширяются от этой дерзости. Затем...

Клэр

Теперь я скажу, когда ты сам упомянул об этом – в последнее время оно мне великовато. А как ты?

Генри

Свободен ли я?

Клэр

Ты женат?

Генри

Сегодня – нет.

Клэр

Значит, сегодня моя счастливая ночь.

Она смотрит на него – откровенно, уверенно, прямо. Эта женщина знает, чего хочет. Сейчас она желает повеселиться.

Генри

(выходя из роли)

Господи Иисусе...

Я

Я нормально все сделала? Могу попробовать что-нибудь другое.

Он расстегивает воротник.

Генри

Ох, мне почти жаль этих ублюдков.

Три дня спустя я сидела в тихом баре неподалеку от Центрального парка и позволила одному бизнесмену сказать мне, что он больше не считает свою жену привлекательной. Потом я передала кассету с этой записью его жене, а Генри протянул мне четыреста долларов.

Эта работа не была регулярной – иногда приходилось выполнять три или четыре задания, иногда вообще ничего. Большая часть работы Генри состояла в том, что он называл супружеской слежкой: следить за людьми, пытаться поймать с поличным. «Большинство наших клиентов – женщины, – сказал однажды мой начальник. – Обычно они правы в своих подозрениях. Бывает, они замечают, что муж идет в офис в модной рубашке, а потом еще пишет, что задерживается на

работе. Иногда речь идет просто о новом лосьоне после бритья. Или жена уже видела компрометирующие сообщения на его телефоне и просто хочет знать, как выглядит любовница ее мужа. Именно мужчины чаще всего оказываются не правы».

Когда Генри был копом, он работал под прикрытием, и теперь ему явно не хватает шумной возни тех дней. В течение долгих часов в городских автомобилях и холлах отелей, в ожидании наших объектов, Генри проводит время, рассказывая мне истории о его прошлых делах.

– Ты должна видеть сумрак. Преступники инстинктивно чувствуют, когда их презирают или боятся, так что ты должна заставить себя поверить в их картину мира. И это самое опасное – не пистолеты, не побои. Некоторых парней захватывает сумрак, и они уже не могут его отпустить.

Я говорю Генри, что он актер по системе Станиславского, хотя сам того не знает, и обмениваюсь с ним актерскими историями. Например, наше первое занятие, когда Пол попросил нас сыграть сцену из Ибсена. Я думала, мои сокурсники справились довольно хорошо. Затем Пол заставил нас повторить эту сцену снова, пытаясь при этом удерживать ручки метлы на ладонях. Под давлением двух заданий одновременно наша актерская работа развалилась на части.

– То, что вы сделали в первый раз, не было игрой, – сказал нам Пол. – Вы притворялись и просто копировали то, что делали другие актеры, но для вас это было нереально. Вот

почему вы не смогли повторить то же самое, когда требовалось направить внимание на что-то другое. Сегодня я скажу только одну вещь, но она самая важная из когда-либо мною сказанных: *не думайте*. Игра – не притворство и не подражание. Ключ к разгадке в слове. Игра – *это действие*.

Генри думает, что все это чушь собачья, но я сама видела, как актеры в гримерке чихали и сопели от гриппа, но болезнь тут же исчезала, стоило им выйти на сцену. Я видела, как застенчивые интроверты становились королями и королевами, а уродливые – красивыми, красивые – отталкивающими. Что-то происходит. Что-то, чего никто не может объяснить. Всего на несколько мгновений ты становишься кем-то другим.

И это лучшее чувство, какое только можно испытать.

Манхэттен сегодня утром похож на съемочную площадку. В снегу образовались дыры от пара, лениво дымящиеся на солнце. Прошлая ночь оставила заметный след в конверте Генри, но я забегаю в продуктовый магазин, чтобы купить бейглы себе и Джесс. Когда я выхожу, кучка детей на улице валяет дурака. Они бросают снежки, я зачерпываю пригоршню снега и присоединяюсь к ним. Я не могу не думать: «*Вот это да*». Вот я и в Нью-Йорке, принимаю участие в эпизоде словно прямо из фильма и учусь в одной из лучших драматических школ в мире. Сценарий со счастливым концом.

Разве это свойственно только мне – чувствовать, что на-

блюдаю за собой в фильме о собственной жизни? Когда я спрашиваю друзей, большинство говорит, что этого у них нет, но они, наверное, лгут. Зачем еще становиться актером, если не для исправления реальности?

Даже если я только что вспомнила, что сцена, разыгравшаяся в моей голове – та, с нью-йоркским боем в снежки, – взята из отвратительного фильма «Эльф».

Войдя, я слышу голоса, доносящиеся из комнаты Джесс. Она разговаривает по скайпу со своим парнем Араном, который занимается рекламой в Европе. Я быстренько принимаю душ, проверяю, не слишком ли плохо выглядит жакет, а затем стучу в ее дверь.

– Завтрак, аренда и мисс Донна Каран, – бодро говорю я.
– Есть рецензии?

Каждое утро Джесс первым делом заглядывает в интернет, чтобы узнать, не написал ли кто-нибудь о ней в блоге. Она качает головой:

– Никаких, но мой агент написал по электронной почте – у меня встреча с продюсером, видевшим шоу вчера вечером.

– Здорово, – говорю я и стараюсь не выдать зависти.

– Как прошла ночь? – Ее голос подчеркнуто нейтрален. – Я искала тебя около двух. Ты ушла.

– О, все было хорошо.

Она вздыхает.

– Чушь собачья, Клэр. Пустой бессмысленный секс с незнакомцем.

– И это тоже, – беспечно говорю я.

– Иногда я беспокоюсь за тебя.

– Почему? Я всегда ношу с собой презерватив.

– Я имела в виду безопасную *жизнь*, а не безопасный секс, как тебе хорошо известно.

Пожимаю плечами. Я не собираюсь разговаривать с Джесс о моей личной жизни или об ее отсутствии: у нее есть семья, а люди с семьями такого не понимают.

Я вешаю жакет и роюсь в ящике с трусиками Джесс в поисках чистого белья. Вдруг мои пальцы натываются на что-то маленькое, твердое и тяжелое.

Я вытаскиваю пистолет. Настоящий *пистолет*.

– Господи, Джесс, – ошеломленно произношу я. – Что это еще за хрень?

Она лишь смеется.

– Отец заставил. Вроде как на всякий случай. Говорит – ты же находишься в большом плохом городе и все такое.

– И при этом ты беспокоишься обо мне? – недоверчиво спрашиваю я. Направляю пистолет на свое отражение в зеркале. – Ты должна спросить себя – хулиганка, тебе идет этот цвет?

– Осторожно. Думаю, он заряжен.

– Бум.

Я осторожно кладу пистолет на место и достаю красные леггинсы.

– К тому же, – добавляет Джесс, – возможно, мне при-

дется застрелить человека, который продолжает красть мою одежду.

– В конверте триста пятьдесят долларов. Ну по крайней мере триста двадцать.

– Вообще-то есть еще один момент, из-за которого отец ведет себя несколько странно.

Джесс говорит это небрежно, но я улавливаю скрытое напряжение в ее голосе.

– Да? – не менее хладнокровно произношу я.

– У отца перерыв в работе, так что он не получает зарплату, а эта квартира – его пенсия или вроде того. Он просит меня, чтобы ты съехала.

Плохо.

– И что ты ответила?

– Я говорю, а если Клэр заплатит тебе всю арендную плату, которую задолжала?

– Это сколько – еще четыреста?

Джесс качает головой.

– Семьсот. В любом случае, отец не слишком-то обрадовался. Он сказал, что подумает, но теперь ему тоже придется платить вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.